

Неповторимая

Айседора
Дункан

Модерн
на босу ногу

Неповторимая (Алгоритм)

Юлия Андреева

**Айседора Дункан.
Модерн на босу ногу**

«Алисторус»

2016

УДК 793.3.071Дункан А.
ББК 85.32

Андреева Ю. И.

Айседора Дункан. Модерн на босу ногу / Ю. И. Андреева —
«Алисторус», 2016 — (Неповторимая (Алгоритм))

ISBN 978-5-906880-12-3

Перед вами лучшая на сегодняшний день биография величайшей танцовщицы XX века. Книга о жизни и творчестве Айседоры Дункан, написанная Ю. Андреевой в 2013 году, получила несколько литературных премий и на долгое время стала основной темой для обсуждения среди знатоков искусства. Для этого издания автор существенно дополнила историю «жрицы танца», уделив особое внимание годам ее юности. Ярчайшая из комет, посетивших землю на рубеже XIX – начала XX в., основательница танца модерн, самая эксцентричная женщина своего времени. Что сделало ее такой? Как ей удалось пережить смерть двоих детей? Как из скромной воспитанницы балетного училища она превратилась в гетеру, танцующую босиком в казино Чикаго? Ответы вы найдете на страницах биографии Айседоры Дункан, женщины, сказавшей однажды: «Только гений может стать достойным моего тела!» – и вскоре вышедшей замуж за Сергея Есенина.

УДК 793.3.071Дункан А.
ББК 85.32

ISBN 978-5-906880-12-3

© Андреева Ю. И., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	5
Мамаша Дункан и ее дети	6
Портовый городок	10
Дульси и взрослый мир	12
Мечты-мечты...	18
С помидорами и перцем	21
Богемия и богемцы	23
Айседора в театре	27
На вольных хлебах	31
Жизнь на грани	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Андреева

Айседора Дункан. Модерн на босу ногу

Айседора Дункан – это божественный модерн на босу ногу.
О’Санчес

От автора

Сан-Франциско, 1883 год. Класс в католической школе. Учительница просит учеников рассказать о своих родителях. О мамах говорили на прошлом уроке, сегодня очередь пап. У одного отец – пекарь, у другого – аптекарь, у третьего – солдат, в красивой форме и с самым настоящим ружьем. Рыженькая девочка на задней парте низко опускает голову, прячась за спинами одноклассников, в голове настойчивая мысль: «Хоть бы не вызвали, хоть бы не вызвали, а если вызовут, что делать? Соврать? Но мама выпорет за вранье, врать некрасиво, и отец Марк из церкви святого Августина учит, что ложь – это грех. Что же делать? Но сказать правду совсем скверно! Сказать правду нельзя. Вот бы провалиться сквозь землю, вот бы...»

Дело в том, что не далее как вчера в семейство Дункан забежала тетка Августа – мамина сестра, Дульси ей доверяет, потому что, как ни крути, они с тетей Августой Грей лучшие подруги. Именно с ней, с прекрасной, словно темная фея, Августой девочка и хотела обсудить давно мучивший ее вопрос. Кто ее отец?

«Твой отец – черт, погубивший жизнь твоей матери», – немного помедлив, доверительным шепотом сообщила черноволосая красавица, так что Дульси чуть в обморок не рухнула. Это ж надо – всамделишной черт с рогами и копытами!

Ах, если бы Дульси не спрашивала тетю, не срывала запретного плода, теперь она могла бы лихо придумать себе любого отца. А тут. только начнешь воображать – отца-юриста, полицейского или даже жокея в красненькой курточке и лаковых сапожках, как перед глазами противная чертенычья морда с рыльцем вместо носа. Ну, что ты тут будешь делать?..

Мамаша Дункан и ее дети

Это было невероятно тяжелое время для мамы Доры¹ и ее детишек. Внезапное банкротство мужа, который мало того что разорил семью, так еще и твердо вознамерился развестись со своей беременной четвертым ребенком супругой. Постоянные ссоры с мужем, переживания за детей, страх что не сегодня-завтра ее с пузом и тремя держащимися за подол малышами выставят на улицу... и что тогда? И куда тогда? В прачки? в проститутки? Меж тем над Сан-Франциско бушевал не на шутку разыгравшийся экономический кризис 1876 года, заводы, фабрики, маленькие конторки и торговые предприятия разорялись и закрывались одно за другим, выбрасывая своих сотрудников на улицы. Дора истово молила бога, но тот, казалось, не слышал ее отчаянных призывов. А ведь еще совсем недавно они с Джозефом² жили если не душа в душу, то, по крайней мере, по-христиански. Она заботилась о нем и детишках, делала все, что только могла делать любящая жена и мать. А он, поэт и вертопрах не пропускал ни одной юбки, нередко возвращаясь домой пьяный и пахнувший дорогими духами. Ах, что это были за духи! А действительно – что за духи? У Доры Дункан никогда не было таких духов.

Что с него возьмешь – поэт, красавец. собственно, за стихи она его и полюбила. За стишки, что задорого не продашь, но без которых жизни нет. Дора знала наизусть все написанное любимым и непутевым супругом и часто, когда тот задерживался с друзьями допоздна, читала их детям.

И вот теперь он забрал свои вещи и ушел навсегда, а Дора может только плакать и играть на пианино. Не готовит, не стирает, пол неделями не метен, дети неизвестно где бегают, а неродившийся еще малыш толкается и пинается, точно в футбол играет. Дора – опытная в таких делах, отлично знает, как ведут себя в утробе правильные дети. Этот же. да и с чего ребенку родиться нормальным, когда вокруг все рушится и летит в тартары?

Родители Айседоры Дункан: Джозеф Чарльз Дункан и Мэри Дора Грэй Дункан.

«Характер ребенка определен уже в утробе матери. Перед моим рождением мать переживала трагедию. Она ничего не могла есть, кроме устриц, которые заливала ледяным шампанским. Если меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю – в утробе матери. Возможно, из за устриц и шампанского».

(Айседора Дункан)

«Я рожу чудовище, – шепчет себе под нос Дора, наливая полный бокал контрабандного шампанского из заначки мужа. – Ребенок, который родиться, просто не может быть нормальным!»

«Перед моим рождением моя мать, находясь в очень трагическом положении, испытывала сильнейшие душевные потрясения. Она не могла питаться ничем, кроме замороженных устриц и ледяного шампанского. На вопрос о том, когда я начала танцевать, я отвечаю: “Во чреве матери, вероятно, под влиянием пищи Афродиты – устриц и шампанского”», – пишет в своей книге Айседора Дункан. Красивый пассаж и ничего больше, действительно на берегу моря, устрицы стоили недорого, особенно если покупать их у пиратов-устричников, которые обирали сети честных рыбаков, а затем за гроши сбывали весь награбленный товар в ближайшем порту, но вот на счет ледяного шампанского?.. вряд ли семья, в которой не на что было купить хлеб, могла позволить себе слишком часто подобную статью расходов. Впрочем... красиво – устрицы и шампанское.

27 мая 1877 года Дора Дункан разрешилась от бремени, произведя на свет девочку, которая тут же начала бешено двигать ручками и ножками. так что и у акушерки, и у мамыши не осталось ни малейшего сомнения относительно безумия новорожденной. Тем не менее сумасшедший ребенок или совершенно нормальный, его следовало растить и поднимать. Узнав, что у него родилась дочь, Джозеф Дункан снизошел до посещения оставленного им семейства: потрепал за щеку бывшую супругу, сложив из пальцев рожки, и прочитал дочурке «Идет коза рогатая». На чем посчитал свою отцовскую миссию исчерпанной и поспешил откланяться, сообщив напоследок, что новорожденная напоминает ему очаровательного мопсика госпожи Айны Кулюрит, поэтессы из Калифорнии и его нынешней любовницы. И в припадке вдохновения предложил именовать дома малышку не иначе как «Принцесса мопсик».

Вот такая трогательная отеческая забота. Впрочем, возможно, именно в этот момент чаша терпения несчастной Доры переполнилась, и она перестала плакать, молиться и поглощать устрицы, наблюдая, как окружающий мир погружается в хаос. Теперь она снова жила

назло предателю Джозефу, чье имя с этого момента будет запрещено произносить дома, жила ради своих детей, которых она поклялась поднять на ноги и сделать людьми, чего бы ей это ни стоило!

И первое, от чего отказалась отчаянная Дора, была церковь. До развода госпожа Дункан считала себя истинной католичкой, которая постилась, молилась, водила детей на причастия и мессы... Потом, когда муж, ради которого она могла пожертвовать всем на свете, бросил ее и детей, разрушив хрупкую идиллию, а бог не внял молитвам... Оставшись без супруга и без Бога, Дора вдруг на удивление самой себе спокойно вздохнула и принялась прибирать запущенный за последние недели дом.

Теперь не нужно было тратить время на церковь, она не запрещала детям посещать службу, признавая за ними право выбора, но и не водила за ручку, как это делали соседки. Если раньше Дора одевалась и причесывалась безукоризненно, опасаясь колких взглядов и осуждений, теперь ей было плевать на то, как и во что она одета. Когда дети спрашивали, почему она не носит украшений, мама объясняла им, что, надев на руки браслеты и на шею бусы, обувшись в туфли на высоких каблуках, она не смогла бы играть с ними или купаться, так как все время думала бы об этих вещах, опасаясь их повредить или потерять. По этой же причине дети одевались в то, что время от времени приносили им их многочисленные тетушки и сердобольные соседки. Старые, поношенные вещи дают свободу делать то, что хочешь, новые и дорогие – сковывают, навязывая собственные правила, и приводят к неестественности и потере свободы.

Днем мама вязала на продажу шапочки, пинетки, шарфики и воротнички, а потом несла в лавку продавать. По вечерам играла детям музыкальные произведения Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта или Шопена, читала вслух Шекспира, Шелли, Китса и Бернса, так как считала это единственным правильным способом дать детям образование.

Подражая экзальтированному поведению родительницы, малыши разучивали малопопулярные им самим стихи, выступая вместе с нею в домашних импровизированных концертах, когда к ним в гости наведывались знакомые. Сидя в своей кроватке, рыженькая Дора Энджела Дункан, или Дульси, как ласково называли девочку в семье, забавно двигала ручками под музыку, точно дирижируя маме. Свои первые шажки она делала, пританцовывая и словно бы упиваясь открывшейся ей возможностью движения. Дульси танцевала абсолютно под любую музыку и даже под чтение стихов, в которых она находила подобие танцевального ритма. Поставив малышку на стол, вся семья весело хохотала, наблюдая ее забавные пляски.

Когда Дульси исполнилось пять лет, Доре пришлось отдать ее в школу, соврав, будто девочке шесть с половиной. Крупная, здоровенькая малышка внешне мало отличалась от своих одноклассников, так что никто ни о чем не догадался, а у Доры немного развязались руки, в то время она подрабатывала аккомпаниатором, или давала уроки музыки в богатых домах, куда таскать младшенькую было не всегда удобно.

После школы ватага Дункан была предоставлена самой себе, никто не следил, где они носятся, с кем дружат, о, если бы они еще и находили, где и чем питаться... но, к сожалению, матери по-прежнему приходилось лезть из кожи вон, зарабатывая на жизнь.

«Если ты и дальше не станешь следить за своими детьми, они свяжутся с дурной компанией и пропадут, – пытались наставить Дору на истинный путь соседки. – Пока ты бегаешь по урокам, а твой муженек шляется неизвестно где, твои пострелята попадут на страницы “Кроникл”, прямиком в колонку происшествий. Поговори со святым отцом, и, может, он встретится с Джозефом».

Когда заканчивались деньги и, по словам самой Айседоры, следующая трапеза могла быть приготовлена разве что из воздуха, семья снаряжала маленькую Дульси в поход к мяснику или булочнику. Там девочка кланчила, плакала и уговаривала торговцев до тех пор, пока ей не выдавали мясные обрезки или черствый хлеб, лишь бы та убралась.

Именно благодаря такой полунигищенской жизни, как считала сама танцовщица, в результате она научилась ставить условия, требовать и получать свое от директоров театров и антрепренеров, с которыми ей приходилось иметь дело.

Однажды в канун очередного Рождества, когда детки вспоминают прошедший год, гадая, достаточно ли хорошими они были и заслужили или нет дорогие подарки от Санта-Клауса, мама не нашла ничего лучшего, чем раскрыть детям глаза на природу зимнего деда: «Мать мне сказала, что слишком бедна, чтобы быть Дедом Морозом; только богатые матери могут изображать Деда Мороза и делать подарки».

Получив, таким образом, исчерпывающую информацию о творимом вокруг обмане, маленькая Дульси решила выступить с опровержением перед классом, заявив во всеуслышание, что никакого Санты не существует и все подарки делают детям взрослые! Учительница попыталась поставить смутьянку в угол, но та сопротивлялась, выкрикивая лозунги, призывая покончить с враньем и признать правду, какой бы горькой та не оказалась.

Портовый городок

Живя на съемных квартирах, семейство Дункан не покупало никакой мебели и вообще старалось иметь при себе как можно меньше личных вещей. Это было обязательным условием, благодаря которому можно было незаметно сбежать от квартирных хозяев, не заплатив за жилье. Обычно это делалось так: мама собирала пожитки в узел и уходила в заранее присмотренный дом, сказав хозяйке или соседям, что несет вязаные изделия на продажу. Остальные вещи дети должны были как-то вынести на себе.

Однажды в школе учительница попросила, чтобы ученики написали сочинение на тему «Моя жизнь». У Айседоры вышло следующее: «Когда мне было пять лет, у нас был домик на 23-й улице. Мы не могли там оставаться, так как не заплатили за квартиру, и переехали на 17-ю улицу. У нас было мало денег, и вскоре хозяин запротестовал, поэтому мы переехали на 22-ю улицу, где нам не позволили мирно жить, и мы переехали на 10-ю улицу». Далее рассказ продолжался в том же духе, так что слушавшие сочинение мисс Дункан дети начали хихикать, а учительница решила, что малолетняя нахалка попросту издевается над ней, и вызвала в школу маму. Каково же было ей, когда Дора разрыдалась над рассказом дочери, подтверждая, что все написанное – чистейшая правда.

Приходилось экономить буквально на каждом центе, к примеру сумма, выделяемая на хлеб и молоко на неделю, составляла 10 центов на одного человека, кроме того, живущий по соседству доктор рекомендовал Доре не скупиться и непременно приобретать лимоны, в которых есть все необходимые для жизни и здоровья детей витамины. На лимоны уходило 5 центов в неделю на одного человека, на себе Дора могла и сэкономить. Тем более что за квартиру по договоренности с хозяйкой уходили аж 10 долларов за месяц. А ведь еще непременно следовало купить керосину для ламп, по вечерам семья предпочитала читать и музицировать. Дети росли и не могли питаться одним только молоком, поэтому, вздыхая, мама отправлялась на базар, откуда возвращалась с самой дешевой едой из того, что вообще можно было отыскать в порту, в ее корзинке лежали устрицы, орехи, зелень и пончики, в которых вся семья души не чаяла. Пончики стоили мелочь, но ведь и Дунканы не самая маленькая в городе семейка, а как за стол садятся, так все съедобное подчистую метут.

Соседки давно уже пеняли Доре, что ее чада одеваются во что придется и зачастую их можно спутать с беспризорниками, да она и сама не слепая, только где же взять лишних 50 центов в месяц на стирку? Ей одной не осилить такую прорву домашней работы, когда еще и деньги как-то заработать надо.

Предоставленные самим себе, дети бегали в порт, смотреть, как мимо с непревзойденной важностью шествуют краснотрубные буксиры, за которыми вяло тянулись барки с мешками сахара. Вечером рыбацкие шхуны поднимали разноцветные паруса и устремлялись в неведомые дали, туда, где острый бриз рябил фарватер и небо все еще помнило, где нашло себе пристанище уставшее за день солнце.

Иногда в порту они встречали старого китайца, торговавшего на улице Валенсии, который, по его же собственному рассказу, приехал в Америку сорок лет назад и все это время ждал жену и детей, которым через год выслал деньги на билеты. Но те, скорее всего, погибли вместе с везущим их пароходом. Китаец не скрывал, что денег не могло хватить на пассажирский рейс, соответственно, его семья должна была добираться на грузовом судне или вместе с кем-то из его соотечественников на маленьких джонках. Он не мог знать, какой вид водного транспорта избрали сорок лет назад его родные, но каждый вечер приходил на берег в надежде услышать хоть что-нибудь о них. В память о своих детях: двух мальчиках и двух девочках – старик приносил ребятам леденцы и тянучки. Из простого куска бумаги он мастерил веера для

Лизы и Дульси, а ребятам как-то изготовил одну на двоих рогатку. Ох, и влетело же им от Доры за это оружие!

Да и вообще, что делать детям в порту, если они не подрабатывают и не состоят в яхт-клубе? На греческих браконьеров – ловцов семги, или китайских – тех, что охотились за креветками, нарушая законы о рыбной ловле, любоваться? На их пьяные кутежи в портовых тавернах, на поножовщину или стрельбу – неминуемые спутники раздела территорий – глазеть? Правда, самые удачливые из бывших браконьеров получали приглашение властей встать на сторону закона, переключившись с ловли рыбы на ловлю бывших товарищей. Работа была интересная, хотя и опасная, а оплата – половина денег, полученных в качестве штрафа с нарушителя. При удаче можно сколотить себе приличное состояние. Самые фартовые умудрялись задержаться на этой работенке и год, и два... неудачливые заканчивали жизнь с пробитой башкой или ножом в спине. Впрочем, мужская работа, романтика. Все пираты были прекрасно вооружены, и брать их приходилось самым настоящим абордажем.

Понимая, что в порту хоть и можно разжиться действительно дешевыми продуктами, но детям там решительно нечего делать, Дора старалась снимать комнаты как можно дальше от опасного места и соседства с моряками, так как те во все времена имели неистребимую склонность напиваться и буянить.

Дульси и взрослый мир

Когда Дульси исполнилось шесть лет, то есть она была во втором классе, пришедшая домой раньше обычного мама застала на полу своей комнаты соседских ребятишек, которые еще и ходить-то толком не могли. Надев юбку сестры (в то время Лиза уже жила у бабушки) и подвязав волосы, Дульси делала странные движения руками, которые малыши пытались повторять за ней. Заметив мать, девочка объяснила, что уже час как открыла собственную школу танцев и это ее ученики. Дора тут же села за пианино и начала аккомпанировать импровизированному уроку.

Казалось бы, игра – но с того дня соседки повадились оставлять малышей вернувшейся из школы Дульси, платя ей за это какие-то деньги или принося угощения. Все заработанные средства младшая Дункан отдавала матери.

В семь лет наша героиня неожиданно познакомилась с собственным отцом, который разыскал оставленную им семью в ее непрерывных странствиях. Встреча получилась бурная: мама побледнела и заперлась в спальне, со старшим братом Августом случилась истерика, Раймонд мог только тарашиться и махать руками. Весьма удивленная произошедшим, девочка вернулась к ожидающему на лестнице папе, который не удивился и не обиделся тому, что его не желают видеть, а взял дочку за руку, повел ее в кондитерскую, где впервые в жизни она лакомилась дорогими пирожными и мороженым, мечтая сразу же по возвращении домой убедить семью присоединиться на следующий день к их пиру. «Папа обещал!» Бедная Дульси, да, она могла смягчить сердце злой на мужа Доры, уговорить братьев, но... ни на следующий день, ни через неделю папа не появился, и она напрасно прождала его, мечтая еще хотя бы раз пройтись по улице рядом с родным отцом. Впрочем, жизнерадостная Дульси не обиделась на своего непутевого папу, который, назначив ей встречу, немедленно уехал в

Лос-Анджелес, где у Джозефа Дункан была новая семья, жена и, возможно, дети...

За четыре года работы класс мисс Дункан заметно увеличился, детей к ней теперь приводили не только соседские мамочки, черные толстые кормилицы и строгие воспитательницы вели за ручки и везли в колясках разодетых крошек, дабы те посещали модные уроки. Переодев малышкой для урока танцев, мамки и няньки отправлялись дышать воздухом в парке или болтали на скамеечке перед домом. Кроме того, Дульси, или теперь уже Айседору, начали приглашать вести уроки танцев в богатые дома. Так что девочке вдруг стало некогда учиться, о чем она и заявила матери.

– Какой смысл тратить время на школу, когда я уже неплохо зарабатываю? – Вопросила десятилетняя дочь и сама же отвечала на свой вопрос: – Решительно никакого. В школе я только теряю время. Уверена, что мне не понадобится девяносто процентов из того, что там преподают, что же до книг, то я всегда смогу брать их в библиотеке. Кроме того, школа реально мешает моей работе.

Будет ее младшая дочь получать образование или нет, Доре было плевать, но ее убежденность и целенаправленность завораживали. Резкая, решительная с отменной фантазией, с каждым днем Дульси все больше и больше походила на своего отца, авантюриста и поэта. На человека, которого Дора упорно пыталась выкинуть из головы, но которого продолжала боготворить.

Однажды, когда Айседора еще училась во втором классе, желая утихомирить иногда весьма резкую своевольную девочку, кто-то из школьного начальства рассказал ей об исправительных заведениях, в одно из которых мисс Дункан рискует попасть, если не исправит своего в высшей степени предосудительного поведения. Внимательно выслушав, что ее ждет в означенном месте, Дульси могла только горько рассмеяться: «А в каком заведении, по-вашему,

учусь я? Ведь наша школа делает все возможное, чтобы исправить и убить все то прекрасное, чему я научилась дома!»

Оставив школу, три года Айседора Дункан работала с классом у себя дома и бегала на частные уроки. Все деньги уходили на семью, и лишь небольшая их часть была, в конце концов, выделена ей на покупку длинной юбки. Теперь Дульси делала высокую прическу, кроме того, она была рослая, намного выше своих сверстниц, так что никто из учеников и их родителей не мог определить истинный возраст юной учительницы танцев. Когда же мисс Дункан начинала торговаться, ее глаза приобретали фиолетовый оттенок моря в бурю и металы молнии, а рыжие ирландские волосы горели, словно маленький факел, – кто бы мог подумать, что так смеет вести себя тринадцатилетняя девочка?!

Айседора Дункан. 1880 г.

Меж тем, переехав в очередной раз, семья осела в Окленде, в двадцати минутах танца от публичной библиотеки, куда частенько забегала Айседора. Читала она все подряд, просто радуясь любой новой истории, не важно, о чем она. А чего не радоваться, когда все они заканчивались свадьбой с последующим неземным счастьем. Как и все девочки, Айседора грезилась о «долго и счастливо», представляя себя в роли любимых героинь. Впрочем, несколько раз ей попадались книги, в которых любовь отнюдь не выходила победительницей и дети не были желанными, а отчего-то назывались «позором семьи», о девушках, отдавшихся нежной страсти и пострадавших от этой своей слабости. Поражало, что в таких историях общество однозначно порицало женщину, на которую сразу же сваливались все горести. Об этом следовало подумать.

Одним из любимейших развлечений жителей Окленда был театр «Тиволи», в котором показывали комедии. Билет стоил недорого, театральный зал был оборудован на манер недорогой пивной, то есть там стояли широкие деревянные столы, и зрители были обязаны, кроме входного билета, заказывать себе сэндвичи с пивом. Особыми театрами среди жителей славного Окленда слыли чадолюбивые отцы семейств, которые по выходным брали своих малышек в театр, где дети либо ползали под столами, играя друг с дружкой, либо, если они все же желали увидеть представление, за которые их папаши выложили свои трудовые центы, считалось незачетным посадить малышек прямо на стол среди пивных луж, крошек и мисок, вручив им по свежему сэндвичу. От такого времяпрепровождения дети были в восторге, а если владелец театра

или кто-то из «служителей Мельпомены» и начинал ворчать о нецелесообразности приводить в театр непьющих зрителей, отцы семейств мужественно брали питейную повинность на себя. Так что в конечном итоге все были довольны.

Заглянув раз в оклендский театр, Дора запретила своим детям бывать там, так что им из всех бесплатных развлечений осталась единственная в этом милом местечке библиотека.

Старалась, по возможности, выбирать для юной Дункан самые интересные книжки, заведующая библиотекой – известная поэтесса Айна Донна Кулбрит. Неудивительно, Айседора была так похожа на своего отца... Кто знает, быть может, когда-то живя с ним, Айна и мечтала, что рано или поздно они пожениятся, после чего Джозеф заберет у своей жены сына или дочку – все равно Доре не поднять четверых, и будет тогда у Аины любимый ребенок от любимого человека. Сама госпожа Кулбрит не имела детей и с чисто материнской нежностью заботилась о своих юных читателях, среди которых, как мы теперь знаем, был знаменитый в будущем писатель, а в то время парнишка всего-то на год старше Айседоры, некто Джек Лондон³. Посещая одну и ту же библиотеку, они не познакомились, да Айседора и не искала знакомств, ибо была влюблена. И не просто влюблена – желая открыть хоть кому-то душу, рассказать о своих чувствах, Айседора вслед за многими героинями полюбившихся романов принялась вести дневник. Но разве можно спрятать что-то в доме, где проживает целый табор, который в любую минуту может сорваться с места и понестись неведомо куда, потеряв дорогой заветную тетрадку? Айседора изобрела шрифт и писала все свои «откровения» исключительно в виде шифровок.

А вообще, странно складываются человеческие судьбы, избирательно составляет муза истории Клио узор из крошечных жемчужинок и мелкого бисера. Вот казалось бы, жила-была Айна Донна Кулбрит – поэтесса и лауреат многих поэтических конкурсов Калифорнии, интересная, образованнейшая для своего времени женщина. А запомнилась потомкам исключительно как библиотекарь, выдающий книги рослой рыжей девочке Айседоре Дункан и маленькому замкнутому мальчику Джеку Лондону. Осталась в воспоминаниях этих детей, да вот еще Ирвин Стоун биографический роман о Джеке Лондоне написал, «Моряк в седле» называется. Так и сохранилась Айна в памяти потомков – умным библиотекарем, а уж потом прекрасной женщиной и талантливой поэтессой... но, может быть, так и надо?..

...Тайна придавала особый романтизм, а Верной, так звали молодого человека, казалось, читал у нее в душе. Айседоре в ту пору, если верить ее собственным мемуарам, исполнилось тринадцать лет, юноша работал в аптеке и пару раз в неделю приходил в школу мисс Дункан заниматься танцами. Не в школу для малышей! К тому времени были открыты курсы современных танцев для молодежи. Там они познакомились, подружились и стали вместе посещать балы и вечера, о которых сама хитренькая Айседора говорила не иначе, как о дополнительной практике, столь необходимой в постижении искусства танца.

Разумеется, он понятия не имел, сколько лет юной учительнице, она же строго-настрого запретила членам семьи раскрывать тайну. На всякий случай, меж собой было условлено говорить, будто бы ей шестнадцать.

Страдая от страсти и не смея открыться прекрасному Верною, девочка убегала из дома, чтобы, пройдя несколько миль, постоять перед окнами его комнаты или изредка заглянуть в двери аптеки, в которой работал ее избранник.

Поняв, что желающих учиться у нее с каждым годом становится все больше и больше, так что она уже не может разорваться между ними, Айседора упростила маму забрать сестру Елизавету, которая несколько лет как воспитывалась у их бабушки. Надо ли говорить, что Лиза моментально попала под мощное обаяние властной Айседоры и вскоре изучила основу нового танца, надела точно такую же юбку и тоже пошла преподавать. Это было более чем своевременно, потому что теперь Айседора могла выкроить уже больше времени для своего Верной.

О чем они говорили? Верной рассказывал Айседоре о работе в аптеке, о том, что не пройдет и пары лет, как начальник сделает его своим замом, а потом, возможно, и возьмет в долю на правах компаньона. Недавно Верной составил свой индивидуальный гороскоп у известного в городе астролога, и тот обещал ему быстрый карьерный рост и удачную женитьбу.

При слове «женитьба» у Айседоры ноги подкашивались и делалось трудно дышать.

Верной же, словно не замечая состояния учительницы танцев, разворачивал перед нею журнал «Здравый смысл», в котором номер за номером, уже другой, на этот раз заезжий астролог давал уроки считывания небесных знаков. Конечно, «Здравый смысл» зазывал желающих посетить курс лекций, на которых астролог будет объяснять более подробно правила астрологии и ответит на любые заданные ему из зала вопросы, помогая желающим получить сведения об этом небесном искусстве, по возможности полно удовлетворить свое любопытство. Но Верной пока не решался потратить указанную в объявлении сумму – 10 центов за одно посещение, тем не менее он покупал все номера журналов, благодаря чему уже немного разбирался в этой науке. Айседора предпочитала любовные романы, хотя зачитывалась и «Здравым смыслом», редакция позиционировала свое детище как «единственный атеистический журнал к западу от Скалистых гор». Во всяком случае, там говорили о равноправии мужчин и женщин, вопрос, живо интересовавший мисс Дункан. Кроме того, на страницах этого прогрессивного издания регулярно публиковались интервью известных магов и специалистов, общающихся с миром мертвых. Вообще, в Сан-Франциско было невероятно много спиритистов, так как они пользовались бешеным успехом. Доходило до того, что горожане обращались к специалистам, практикующим спиритизм, с вопросами, стоит ли поднимать жалование служанке, хорошо ли будет поехать в праздник за город и какое платье, розовое или фиолетовое, рекомендуют покупать духи великих полководцев и царей к ближайшему празднику?

Спириты устраивали как индивидуальные сеансы, так и коллективные, последние обычно проводились среди друзей, коллег по работе, соседей или в кругу какой-то определенной семьи, но бывали и клубные общения с духами, проходившие по определенным дням недели.

Кроме повального увлечения спиритизмом и астрологией, народ в Сан-Франциско обожал разнообразные курсы, на которых можно было получить новые полезные сведения относительно устройства собственной жизни. Молодые девушки посещали не только уроки кройки и шитья, не только учились танцевать и держать себя в обществе, непременно осваивая карточные игры и принятые «в свете» жаргонные выражения, но еще более часто шли на лекции, посвященные таким темам, как борьба с заниженной самооценкой, курсы, помогающие духовному раскрытию из разряда «почувствуй себя богиней», «стань настоящей охотницей», «научись говорить “нет”». Молодые люди отдавали последние деньги на тренинги: «Как впустить богатство в свою жизнь», «Почему мы боимся перестать быть бедными», «Бедность, ее причины и средства борьбы с нею». Общества «филомагов» предлагали организовывать нечто вроде коммун, дабы жить, не испытывая на себе и своих детях пагубного влияния окружающего мира с его алчностью, жадностью и растущей преступностью.

Что же до «страшного мира», так он действительно был таковым. Америка представляла собой многонациональный постоянно пополняемый новыми мигрантами бурлящий котел, в котором приезжие предпочитали жить по законам, принятым на их родине, а зачастую обходились вообще без законов, выживая, как получается, и пытаясь любым способом закрепиться на новом месте. К примеру, текстильная фабрика «Калифорния Коттон Миллз», что располагалась на 17-й улице Восточной стороны Окленда, ее владелец был родом из морского города Абердина, выписывала работниц только из Шотландии. Все девушки как на подбор были из деревень, ни одна не знала языка, и все они целиком и полностью зависели от своего «благодетеля», который обдирал их дочиста, год за годом вычитая деньги, потраченные на переезд и устройство на новом месте.

Но если от скромных приезжих девушек, с утра до ночи работающих у ткацких станков, трудно было ожидать больших неприятностей, выписанные для работы на заводах мужчины порой представляли реальную опасность на улицах. Очень часто они связывались с криминалом и являлись участниками различных правонарушений, вплоть до поножовщины и грабежей. Кроме того, приезжие реально занимали рабочие места, которые еще вчера принадлежали коренным жителям. Самые обычные разносчики газет – профессия, исконно принадлежащая мальчишкам школьного возраста, теперь оспаривалась между детьми оклендцев и их приезжими сверстниками. При этом вчерашние иностранцы брали за свою работу порой в два раза меньше, нежели местные, а работали не многим хуже. Так, если ежемесячный доход разносчика газет составлял 12 долларов в месяц, пришлые могли удовлетвориться шестью. При этом они еще и из кожи вон лезли, пытаясь любым доступным путем сохранить за собой свое место, чего не скажешь о местных ребятишках, для которых зачастую работа являлась приработком, позволяющим иметь наличные для собственных развлечений.

Не стоит думать, будто бы 7 долларов – это небольшие деньги. Когда Джеку Лондону исполнилось тринадцать лет, а был он всего на год старше Айседоры и жил в том же Окленде, ему удалось скопить 2 доллара, на которые он купил старую-старую лодку, на этой посудине мальчик ходил по извилинам дельты, а иногда решался ненадолго выйти в залив. Конечно, это, с позволения сказать, судно протекало, на нем не было выдвижного киля, лодку то и дело заливало водой, она могла попросту опрокинуться, но все же это была самая настоящая лодка, на которой он рыбачил или перевозил грузы!

Позже за 6 долларов он приобрел подержанный ялик и еще на доллар 5 центов перекрасил старую посудину, за два доллара приобрел парус, за доллар сорок центов – весла.

Маленькие проворные мальчишки самых разных национальностей быстро расставляли кегли в кегельбане и подносили пиво, успевая шустро протирать столики, кланяясь за каждую подаренную им мелкую монетку, и не обращали внимания на оплеухи и затрешины.

Портовые города говорили на множестве языков, так что для простоты представители одной национальности старались селиться рядом, быстро открывая собственные пансионаты, столовые, кафе и магазинчики, в которых старались придерживаться обычаев далекой родины. Тем не менее невозможно же все время сидеть в одном-единственном квартале, да и не закроешься от желающих попробовать новых экзотических блюд, приобрести что-то в лавочках или снять дешевую, не говорящую еще на английском девчонку. Не закроешься, да и зачем?

На каждом углу те же мальчишки-разносчики предлагали опиум, их хозяину товар доставлялся напрямую из порта, после чего порошок распределялся малыми порциями, которые и предлагали клиентам пронырливые детишки. Другие пацаны тут же бегали с лотками, полными пачек самых различных сигарет, в некоторые из которых были вложены картинки с изображениями знаменитых скаковых лошадей, парижских красоток, ну и, естественно, чемпионов бокса. Коллекционировать картинки – страсть всех мальчишек того времени, кроме того, собранные серии можно было сбыть за весьма приличные деньги, так что, продавая очередную пачку, маленький собиратель не отходил далеко от покупателя, стремясь хотя бы краем глаза узреть момент, когда тот достанет вожделенное сокровище и... о, если вдруг это оказывалась та самая, недостающая карточка?! Несчастливого покупателя ждала вторая серия уговоров, просьб, коммерческих предложений или даже слез. В результате мальчишку либо прогоняли взащей, либо он становился счастливейшим обладателем картинки, пополнившей его драгоценную коллекцию.

И если мальчишки из хороших семей проводили дни напролет в местном яхт-клубе, одетые, точно беспризорники, дети вчерашних эмигрантов за малую денежку драили палубы, очищали днище от ракушечника, приобретая морские профессии на практике.

Многочисленные лавки старьевщиков принимали лоскуты, бутылки, мешки и жестянки, обычно все старое и ветхое, тем не менее вся эта мелкота пользовалась огромным спросом

как раз в среде не успевших еще обзавестись собственным имуществом приезжих. Поэтому в среде эмигрантов считалось незазорным рыться в мусоре, пока все те же пришлые, но более счастливые и обеспеченные, так как работали дворниками и уборщиками, не прогоняли бывших соотечественников, разграбляющих помойки на их участках.

Но рыться на свалках мусора или работать на подай-принеси – все-таки удел стариков и мальчишек, а нормальные мужчины искали себе работу по силам, например на консервной фабрике платили 10 центов в час при рабочем дне от 10 до 12 часов с небольшими перерывами. Если рабочие не справлялись с планом, приходилось работать хоть до полуночи, а последние трамваи уходили в парк в 11 часов ночи.

В общем, это счастье, что Айседора и Елизавета умудрялись не просто работать, а иметь свое собственное дело, а Дора аккомпанировала певцам или давала уроки музыки. Судя по всему, ни Раймонд, ни Августин и не пытались подрабатывать, хоть как-то вкладываясь в семейный бюджет.

Мечты-мечты...

Однажды вечером, когда мама наигрывала что-то на пианино, после развода она приобрела довольно-таки странную привычку часами просиживать перед инструментом, отрешенно глядя в пустоту или вдруг переключаясь на декламацию стихов. Музыка сменяла поэзию, новая музыкальная волна сметала хрупкие строки, и так продолжалось до глубокой ночи, если не до утра. Детей при этом никто не укладывал, они были вольны слушать, идти к себе или засыпать, где застал их легкокрылый Морфей, внимая маминому голосу. Так вот, однажды вечером, когда мама музицировала, а Айседора придумывала движения нового танца, который утром собиралась показать своим ученикам, к ним в гости зашла старая знакомая, жившая некоторое время до этого в Вене. Наблюдая за грациозной пластикой юной Дункан, она хлопала в ладоши, всячески поощряя танцовщицу, и, наконец, уверенно предрекла, «Айседора – вторая Фанни Эльслер⁴»!

«Вот что, Дора, если ты хочешь, чтобы девочка сделалась второй Фанни, просто необходимо показать ее лучшему балетмейстеру Сан-Франциско. Я напишу адрес».

На следующий день Дульси уже стояла у станка в классе великого маэстро, внешне послушно делая упражнения, а на самом деле зверея от нелепой гимнастики, к которой ее принудили злые люди! Ей-то казалось, что стоит только показать танцы великому педагогу, как балетмейстер немедленно перейдет в ее веру и откроет талантливой мисс Дункан дорогу в светлое будущее. Как же! А он видел кошмарную технику, полное непонимание системы и, начиная с азов, пытался научить девочку тому, что знал сам.

Фанни Эльслер (1810–1884) – австрийская танцовщица балета. Наряду с Марией Тальони, Фанни Эльслер была известнейшей балериной XIX века

На третий день занятий возник конфликт. Учитель попросил Айседору подняться на цыпочки, та с деланным удивлением осведомилась, почему она должна это делать? И услышав, «потому, что это красиво», ответствовала, что это глупо, неестественно и безобразно, после чего покинула класс.

В это время, должно быть, видя старания младшей из дочерей Доры Дункан, Фортуна улыбнулась многострадальному семейству, и в их жизни снова нарисовался Джозеф, блудный

папенька в очередной раз разбогател и горел желанием поделиться с бывшей женой и детьми деньгами, которые, по всей видимости, жгли несчастному карманы. Вообще, в жизни мистера Дункан случались взлеты и падения, три раза он баснословно богател и столько же раз терял все до последнего цента, это был четвертый и последний случай, когда Джозеф получил большой куш, на который тут же купил Доре и детям новый дом. Да еще какой – с большими залами для танцев, амбаром, ветряной мельницей и площадкой для тенниса. При этом бывший глава семьи не удосужился выяснить, занимается ли кто-то из его отпрысков спортом, как и чем они вообще жили все это время.

Но да бог с ним, наконец-то семейство имело собственное убежище! Августин первым делом осмотрел дареный амбар, сообщив, что отныне здесь будет размещен его театр! С королевским достоинством он проследовал в гостиную, где, обнаружив ковер у камина, взял ножицы, и... у персонажа его первого спектакля Рип Ван Уинкеля появилась роскошная борода!

Репертуар обсуждали на семейном совете. Было решено, что мама возьмет на себя аккомпанирование, Августин будет играть в спектаклях, а также в первом отделении читать стихи, у него была отличная память. Айседора в первом отделении представит серию танцевальных этюдов, и во втором, уже все вместе, братья, сестры и тетя Августа покажут комедию.

Вскоре все было отрепетировано, нарисованы афиши, и театр начал понемногу работать. Айседоре было четырнадцать, когда театр выбрался из амбара и отправился в свое первое турне по побережью. А через год их с Верноем роман закончился свадьбой. Точнее, женился он. На той самой невзрачной девушке, с которой несколько раз его видела Айседора. Обиженная Дункан сразу же порвала с Верноем все отношения и выбросила дневник.

Теперь, как никогда прежде, она чувствовала, что Сан-Франциско давит на нее, во-первых, здесь продолжал жить, не зная о том, какую нанес ей рану, предатель Верной. Во-вторых, настало время доказать всему свету, на что способна Айседора Дункан.

– Этот город погубит нас всех! Да, у нас есть крыша над головой, мы преподаем и зарабатываем какие-то деньги. Но разве это предел наших мечтаний? Молодость пройдет, сила и желание иссякнут, а мы все еще будем сидеть здесь, покрываясь пылью, – внушала несостоявшаяся Джульетта своим менее смелым родственникам. – Как хотите, но даже если никто не поддержит меня, я назло всем поступлю в любую театральную труппу и прославлюсь. А вы как хотите!

Вскоре такая возможность действительно представилась, Дора и Айседора рука об руку отправились с визитом к заезжему антрепренеру. Просмотр состоялся утром на большой сцене. Мама привычно заняла место за роялем, для показа были выбраны музыкальные фрагменты «Песни без слов» Мендельсона. Надев свою короткую белую тунику, Айседора порхала по темной сцене, счастливая уже тем, что выступает в самом настоящем театре. К сожалению, антрепренер не разделял ее восторгов, и, когда девушка собиралась поведать ему о своем танце, ретроград заявил, что показанное мисс Дункан совершенно не подходит для театра, скорее уж для церкви, но...

Мать и дочь немедленно откланялись.

Единственное, что вынесла Айседора из своего разговора с антрепренером, – она несет в мир нечто новое и прекрасное, такое чистое, что ее танцы разумно было бы показывать в церкви. А значит, скорее всего, она не найдет такого театра, в котором сможет танцевать, во всяком случае, не в этой глуши! Еще более вероятно, что такой театр должна создать она сама.

Отсюда вывод: если в провинцию специально приезжают низкопробные балаганы, в которых не место высокому искусству, надо отправляться на поиск такого театра, в котором незаметно было бы выступать даже такому новатору, как Дункан. Куда? – Проще всего в Чикаго. Там полно театров. Что нужно для успеха мероприятия? – Один билет до места и немного денег на первое время, дабы снять комнату и чем-то питаться. Как скоро удастся получить

ангажемент? Очень быстро. Возможно, первые несколько дней придется походить по городу в поисках самого лучшего театра, но зато потом.

Дора во всем поддержала дочь, при единственном условии: в Чикаго они поедут вместе. Еще не хватало, чтобы девочка попала в плохую историю. Было решено, что остальные останутся дома и будут ждать, когда Айседора заработает деньги и вызовет их телеграммой.

С помидорами и перцем

Все вещи мамы и дочери уместились в небольшом сундучке, кроме того, они взяли с собой 25 долларов и некоторые хранившиеся дома драгоценности бабушки, которая к тому времени уже умерла.

Айседора готовилась к блицкригу, но все антрепренеры, перед которыми она показывала свои танцы, как завороченные, говорили то же, что и тот первый в Сан-Франциско: «Это не для театра». Любая на месте Дункан давно уже уразумела бы, что придется меняться, что на свете просто не существует подходящего ей театра, и если хочешь выжить... но Дункан продолжала упорствовать. Меж тем деньги вышли, бабушкины драгоценности оказались не такими уж и дорогими. В результате произошло то, что и должно было произойти, – их выгнали на улицу, забрав все вещи в уплату за долг. Что дальше? В карманах ни пенни, перспектив ноль, невозможно не только вернуться домой, но даже дать телеграмму с призывом о помощи.

По чистой случайности отбирая у матери и дочери вещи, хозяева квартиры не догадались содрать кружевной воротник с платья Айседоры. Либо не представляли его истинной ценности, либо просто велели убираться, забрав только те вещи, что на них. В общем, так или иначе, но, продав кружева, Айседора выручила за них 10 долларов, на которые удалось снять небольшую комнату и приобрести ящик помидоров, которыми бедняжки и питались затем целую неделю, употребляя томаты без хлеба и даже без соли. А перспектив устроиться куда-нибудь не прибавлялось. Дошло до того, что Дора настолько ослабла, что могла только лежать, глядя в потолок. Скорее всего, она предпочла бы умереть, перспективе помешать дочери довести ее эксперимент до конца и не сетуя на судьбу. Страшно переживая за мать, Айседора готова была пойти на все, что угодно. Мыть полы и посуду, выгуливать чужих собачек, но на подобную работу брали людей с опытом и рекомендациями. В конце концов, девочка сдалась и пошла в первый попавшийся театр, где спросила сказать ей напрямик, что она должна сделать, для того чтобы работать у них. Айседора была хороша собой, прекрасно танцевала, посмотрев ее программу, управляющий кафе на крыше «Масонского дворца» попросил Дункан создать совершенно новый образ разбитной девчонки и кокетки в юбчонке с воланами, которые станут весело играть, когда танцовщица будет прыгать и задирает ножки под какую-нибудь забористую песенку. На языке управляющего это звучало как «добавить перца». Первым порывом Айседоры было надавать нахалу по морде, но она вовремя вспомнила про ослабевшую от голода мать и смирилась с неизбежным.

Воланы и оборочки – это еще не самое страшное, что есть на свете; пообещав явиться на завтра с новым номером и костюмом, Айседора покинула кафе, после чего какое-то время бродила по улицам Чикаго, чувствуя, что еще немного, и она сама рухнет на мостовую в голодном обмороке. В том, что она справится с воланами, дрыганьем и перцем, не было сомнений. Удавалось же как-то, ничему не учась, преподавать светские танцы, получится и это. Другой вопрос, где взять денег на костюм?

В отчаянии она набрела на магазин Маршала Фильда и, заметив там молодого управляющего, лицо которого показалось ей располагающим, рассказала ему все без утайки, попросив дать ей красного и белого материала на воланы, а также кружев на оборки, чтобы она могла сделать костюм и получить ангажемент. Все это он должен был выдать ей даром, поверив на слово. Удивительно, но и тут Айседора добилась своего, поблагодарив подарившего ей и ее матери шанс на выживание Гордона Сельфриджа⁵ и пожелав ему всяческого счастья.

Пройдет всего несколько лет, и из скромного служащего одного из магазинов Маршала Фильда Гордон Сельфридж делается миллионером, и тогда уже знаменитая, известная всему миру Айседора напомнит ему о кусках материи, которые он одолжил незнакомой девушке, поверив ей на слово.

В тот же день Айседора вернулась к матери и уже осточертевшим помидорам. Услышав об успехах своей маленькой Дульси, мама мужественно приподнялась и, облокотившись о стену, до утра шила костюм. Так что на следующее утро, собрав все свои силы, Айседора отправилась на вторую пробу.

Ее ждали, оркестр был в сборе, Айседора выбрала популярную мелодию «Вашингтонская почта» и, когда заиграла музыка, выскочила на сцену, весело улыбаясь, подсакивая, кружась и лихо задирая стройные ножки. Управляющий аплодировал стоя, сразу же предложив 50 долларов в неделю и заплатив деньги вперед. Теперь мать и дочь Дункан уже не ждала голодная смерть и выселение на улицу. И хоть Айседора и не была в восторге от своего нового места работы, но у нее все равно не было иных предложений.

Выступление Айседоры делилось на две части – в первой она исполняла свои собственные танцы, во втором влезала в воланы и оборки и «задавала перца». Управляющий изготовил афиши, публика ликовала, и только Айседоре казалось, что она предаст свой идеал и делает что-то ужасное, по меньшей мере, то, что делают продажные женщины. Поэтому, отработав деньги, она без сожалений покинула кафе на крыше, пообещав себе больше не опускаться до такой работенки.

Богемия и богемцы

Теперь у них появились хоть какие-то средства, но постоянной работы, увы, не было. В кафе требовались исполнители популярных песенок, плясуньи канн-канн или актеры входящей в моду пантомимы. Театры тоже не отличались стремлением к новаторству. В результате бесплодных поисков Айседора как-то вышла на помощницу редактора одной из крупных чикагских газет мисс Эмбер, которой изложила свои взгляды на танец. Окинув взглядом тощую девочку и ее осунувшуюся бледную от недоедания и нервозности мать, Эмбер все поняла, пригласив юное дарование вместе с родительницей присоединиться к местному художественному клубу «Богемия», где Айседора познакомится с артистами и литераторами, а также где она могла бы время от времени выступить перед публикой.

Айседоре было просто необходимо оказаться в компании единомышленников, людей, способных к нестандартному мышлению, которые, быть может, укажут ей, наконец, путь к славе. Заручившись приглашением Эмбер, они в тот же вечер явились в «Богемию», где застали толпу плохо одетых и дурно причесанных людей, весело распивающих пиво и то и дело поднимающих тосты за искусство, «Богемию и богемцев», друг друга и, разумеется, за добрейшую Эмбер.

Эмбер угадала – бесплатные бутерброды – вот, пожалуй, то, что действительно было нужно вечно голодным матери и дочери!

Когда пришло время выступить Айседоре, Эмбер показала ей, где можно переодеться, Дора села за инструмент и... богемцы ничего не поняли из того, что хотела сказать им своим танцем юная танцовщица. Когда смолкла музыка, воцарилась гнетущая тишина, которую внезапно разрушил чей-то пьяный выкрик.

– Молодец, девочка! Выпьем же за «Богемию» и богемцев!

– Выпьем! – оживились «люди искусства», после чего Эмбер велела вынести еще пару подносов бутербродов, а богемцы хлопали по плечам Дору и Айседору, радуясь дармовой выпивке и бесплатному зрелищу. Ошарашенная, сбита с толку танцовщица, в конце концов, была вынуждена смириться с происходящим, признавая, что даже если местная публика и не поняла ее танца, они не запретят им время от времени появляться в «Богемии», пользуясь теми же благами, что и остальные. А именно бесплатной едой.

Позже она узнает, что среди потрепанной публики, поднимающей за нее полные кружки пива, во время ее первого выступления в клубе, действительно были поэты и художники, музыканты и певцы, которых бескорыстная Эмбер поддерживала, как умела, на свои собственные средства. Эти люди приходили и приезжали отовсюду, они разговаривали на разных языках, но все они были людьми творческими, или, во всяком случае, так представляли себя. Художники несли Эмбер свои картины, которыми уже были завешены все стены, музыканты и певцы старались радовать публику по-своему. Некоторые из этих людей, возможно, жили в нищенских ночлежках, художественных коммунах или просто на улицах города, дожидаясь заветного часа, когда откроется клуб и можно будет перекусить и выпить. Тем не менее это были достаточно спокойные и неконфликтные люди, среди которых молоденькая танцовщица чувствовала себя в полной безопасности.

Однажды после очередного выступления в «Богемии» к Айседоре и ее матери подсел рыжий, голубоглазый поляк лет сорока пяти, представившийся Иваном Мироским. Айседора видела его и раньше, обычно он занимал столик в самом темном и дальнем углу кафе, что-то зарисовывая в блокнот, куря трубку и наблюдая с ироничной улыбкой за происходящим. Мироский оказался художником, приехавшим в Чикаго в надежде на легких заработок. Он тоже бедствовал, но, в отличие от вечно нищей Айседоры, у него время от времени появлялись

небольшие деньги, на которые он приглашал Дору и Айседору посидеть в недорогом ресторанчике или вывозил их на пикник за город.

Айседора много говорила с Мироским о своих танцах, вместе они строили планы создания собственного театра, где Иван будет расписывать декорации, а Айседора – танцевать. Найдя в рыжем художнике родственную душу, девушка влюбилась в него со всем пылом юности. Вместе они предстали однажды перед ожидающей чего-то подобного Дорой, сообщив ей о своем желании пожениться. Мама не возражала, Иван казался ей милым и вполне самостоятельным мужчиной. Было решено немного подождать, пока Айседора повзрослеет и окрепнет. Кроме этого, с женитьбой не торопился сам жених, рассчитывая в скором времени поступить в какую-нибудь контору, справедливо не полагаясь только на свой талант живописца.

Айседора решила, что Иван – ее единственная любовь на всю жизнь. Возможно, не будучи юная Дункан столь целеустремленным человеком, влюбленная и восторженная, она бросилась бы на шею своего голубоглазого принца, дабы жить с ним в горе и радости. Но получилось по-другому, жизнь в нищете, постоянные тревоги за мать, страх, что придется снова облачаться в воланы и оборки и дрыгать ногами перед пьяной публикой, заставили Айседору немного пересмотреть свой план покорения Америки, а вместе с ней и всего мира.

– В Чикаго нам ничего не светит. Мы изначально промахнулись, выбирая этот городишко. Все настоящие театры в Нью-Йорке. Надо ехать туда, и если ничего не получится, остается бросать все и перебираться в Европу!

Иван и Дора соглашались с правотой Айседоры, но только легко сказать – поехать в Нью-Йорк, да только на что ехать? К кому ехать? Опять скитаться по улицам в поисках работы? Но если в прошлый раз у них были какие-то деньги и вещи, теперь мать и дочь балансировали на грани самой настоящей нищеты. Надо было найти выход, и вскоре Айседоре подвернулась такая возможность.

В то время в Чикаго гастролировал со своей группой и приглашенной звездой – блистательной Адой Реган⁶ сам Августин Дейли⁷. Каждый божий день Айседора повадилась ходить к театру, в котором труппа «Дейлиз» давала свои спектакли, умоляя допустить ее к мэтру. Ей отказывали, говорили, что мистер Дейли занят, просил не беспокоить, что его нет, но Дункан не отставала, и, в конце концов, ее упорство было вознаграждено. Августин Дейли согласился принять ее после очередного представления.

Мистер Дейли показался юной Дункан, по меньшей мере, королем, так величественно он выглядел, с такой высоты взирал на всех и каждого. Девочка оробела, но быстро взяла себя в руки, слова слетали с ее губ, и она подкрепляла их жестами, то и дело вскакивая, и пытаясь дотанцевать то, что не умела объяснить. Она говорила о Греции, о потерянном танце, который сумела возродить, о душе танца, лежащей в основе театра, а теперь незаслуженно забытой:

– Я должна вам открыть великую мысль, г-н Дейли, и вы, вероятно, единственный человек в стране, который способен ее понять. Я возродила танец. Я открыла искусство, потерянное в течение двух тысяч лет. Вы великий художник театра, но театру вашему недостает одного, недостает того, что возвысило древний греческий театр, недостает искусства танца – трагического хора. Без него театр является головой и туловищем без ног. Я вам приношу танец, даю идеи, которые революционизируют всю нашу эпоху. Где я его нашла? У берегов Тихого океана, среди шумящих хвойных лесов Сьерры-Невады. Мне открылась на вершинах гор Роки безупречная фигура танцующей молодой Америки. Самый великий поэт нашей страны – Уотт Уитман. Я открыла танец, достойный его стихов, как его настоящая духовная дочь. Я создам новый танец для детей Америки, танец, воплощающий Америку. Я приношу вашему театру душу, которой ему недостает, душу танцора. Так как знаете, – продолжала она, стараясь не обращать внимания на попытки великого антрепренера меня прервать («Этого достаточно! Этого вполне достаточно!»), – так как вы знаете, – продолжала она, возвышая голос, – что родиной театра был танец и что первым актером был танцор. Он плясал и пел. Тогда родилась

трагедия, и ваш театр не обретет своего истинного лица, пока танцор не возвратится в него во всем порыве своего великого искусства!

Августин Дейли (1838–1899) – американский режиссер, в 1893 г. открывший в Лондоне театр «Дейлиз»

Недоставало музыки и возможности показать то, о чем она говорила. Но опытный антрепренер уже понял, что имеет дело с хорошей танцовщицей и, что немаловажно, целеустремленной сильной личностью. По счастью, у него оказалась свободной роль в пантомиме, которую он и предложил юной Дункан.

1 октября начинались репетиции в Нью-Йоркском театре, где Айседоре следовало быть без опозданий. Театр «Дейлиз» – это шанс! Нью-Йорк – город, в котором намного больше возможностей, нежели в заштатном Чикаго.

Несостыковочка, где Нью-Йорк и где Чикаго? Но последнее обстоятельство отнюдь не смущало отчаянную девочку. Она четко видела свою цель и была готова посворачивать горы, окажись те ненароком на ее пути. Но если сама Айседора была готова идти за мистером Дейли пешком и в рваных туфлях, того же нельзя было сказать о ее многострадальной матери. Поэтому Айседора послала телеграмму домой: «Блестящий ангажемент. Августин Дейли. Должна быть в Нью-Йорке 1 октября. Телеграфно переведите сто долларов на дорогу». Хорошо, что сестра Елизавета продолжала преподавать танцы...

Конечно же, Айседора переживала вынужденную разлуку с Иваном, но да сколько еще будет таких разлук, когда они поженятся?! Что же до лучше знающей мужчин Доры, с некоторого времени она не питала особого доверия к великовозрастному женишку своей несмышленной дочери. Да и что говорить, мало ей невероятной разницы в возрасте, так еще и в таких летах и без гроша в кармане? Сорок пять – а за спиной ни недвижимости, ни приличной профессии... неужели ее красавица дочь не найдет себе в Нью-Йорке более привлекательного и благоустроенного мужа? Пусть даже из артистической среды, раз ей так нравится. Девчонка и так делает что пожелает, не сегодня-завтра вернется домой с пузом – и что тогда? Конец всем ее честолюбивым планам, мечтам и идеям? Однообразное существование между лавками мясника, зеленщика и булочника с голодным ребенком на руках при неработающем, а то и пьющем супруге.

Деньги пришли вместе с уже уставшими ждать вестей из Чикаго братом Августином и сестрой Елизаветой, это несколько затрудняло задачу доехать до Нью-Йорка и устроиться там в ожидании первых заработанных Айседорой денег, так как теперь делить сто долларов при-

ходило не на двоих, а на четверых. Но веселую семейку как будто бы не пугали житейские трудности. Трогательно распрощавшись с любимым, Айседора пообещала ему, что пришлет вызов, как только получится немного заработать. И тогда уже они откроют театр своей мечты и отправятся на гастроли в Европу.

Айседора в театре

Рано утром мама Дункан и трое ее детей выбрались из вагона поезда на вокзале в Нью-Йорке и, не обращая внимания на услужливых носильщиков и извозчиков, отправились в пеший поход за самыми дешевыми комнатами. За этим делом прошел целый день, и только к ужину, усталые и измотанные, они все же получили ключ от дверей небольшого пансиона на одной из боковых улиц, прилегающих к 6-й авеню, где традиционно селились свободные от денег художники, актеры и музыканты. Умывшись с дороги и переодевшись, Айседора отправилась по указанному ей адресу, к театру господина Дейли. Вопреки постоянным подначкам Фортуны, девушку ждали и сразу же зачислили в труппу. Одно плохо, великий продюсер не пожелал выслушать по второму кругу о ее точно ниспосланном с неба танце, посоветовав быстрее освоить несложное искусство пантомимы и постараться понравиться специально приглашенной из Парижа несравненной и бесподобной Джен Мэй.

На первой же репетиции Айседора чуть не вылетела из театра, так как ей не удавалось повторить выразительные жесты примы. Собственно, Дункан никогда особо не жаловала пантомиму – считая ее искусством для глухих, но тут пришлось стараться, забывая об амбициях и запрятав куда подальше свое мнение. Первая репетиция закончилась в слезах, на второй, когда Айседора получила роль Коломбины и по пьесе целовала Джей Мэй (Пьеро) в щеку, великая актриса потребовала, чтобы новенькая вложила в поцелуй всю страсть. – Откуда несчастная Айседора должна была знать, что на сцене и тем более в пантомиме все делается условно?! В результате на напудренной щеке примы образовался красный след от помады, а на лице нашей героини отпечатались тяжелая ручка не простившей ей такой конфуз актрисы.

Каждый день в театре «Дейлиз» для Айседоры был полон нервотрепки и унижений. Ей не нравилась пантомима и хотелось танцевать, бесили светлый парик, голубой шелковый костюм и соломенная шляпа. Каждый день несчастная танцовщица задавалась вопросом: что она делает в театре? в Нью-Йорке? и не ошибкой ли было покинуть родной Сан-Франциско, где она могла заниматься любимым делом? Чикаго, где ее знали и понимали «богемцы», где остался Иван?

Меж тем Дейли не собирался платить своим актерам вперед, а ни брат, ни сестра так и не нашли себе работу в Нью-Йорке, деньги закончились, и они вылетели из удобного пансиона за неуплату, устроившись в двух комнатах без мебели на 180-й улице. Теперь Айседоре приходилось раньше выходить из дома, так как театр располагался на 29-й улице, а денег на транспорт у девушки не было: «Чтобы путь казался короче, я придумала целый ряд способов передвижения: бежала по грязи, ходила по деревянным тротуарам и прыгала по каменным. У меня не было средств на завтрак и, пока все уходило подкрепиться, я забиралась в литерную ложу и в изнеможении засыпала, а потом на голодный желудок снова принималась за репетицию». Семь долгих недель приходилось экономить на всем, чем угодно, прежде чем в театре ей выдали первое жалованье.

На премьерном спектакле в зале на первом ряду сидели мама, сестра и брат. Горе и позор – они видели свою несравненную Айседору, на которую возлагалось столько надежд, которая самозабвенно рассказывала им о революции в театральном искусстве, танце, и... каков результат?!

Сразу после спектакля мама потребовала от Айседоры немедленно вернуться домой. Но это было бы слишком глупо.

Посчитайте сами – шесть недель было потрачено на репетиции спектакля, за которые актером не платили, затем премьеры, и только через неделю первое жалованье. Теперь труппа отработывала три недели в Нью-Йорке, после чего отправлялась на гастроли. Это был гарантированный кусок хлеба и для Айседоры, и для всей ее семьи. Уйти в этот момент? Уйти, не собрав урожая? Да за одну только неделю на гастролях рядовым актрисам начислялось целых

15 долларов! Айседора клялась и божилась, что с нее достаточно и семи с половиной, а остальные она будет честно высылать матери.

Решив, что это единственный возможный выход из положения, Дора смилилась, позволив Айседоре ехать с театром.

Америка – огромная страна, в ней множество больших и маленьких городов, в каждом из которых труппа давала по одному спектаклю, после чего актеры собирали чемоданы и отправлялись в новое путешествие. Вся труппа мистера Дейли размещалась в заранее забронированных гостиницах, и одна только Айседора, прибывая в новое место, брала свой сундучок и мужественно шла, куда глаза глядят, выискивать жилье подешевле, зачастую ночуя на голом полу, страдая от клопов и пьяных криков за стеной. Высылая матери 7,50 в неделю, Айседора умудрялась сокращать собственные расходы вполтину, живя в день на 50 центов. «Как-то мне отвели комнату без ключа, и мужское население квартиры, почти поголовно пьяное, все время пыталось проникнуть ко мне. В ужасе я протащила тяжелый шкаф через всю комнату и забаррикадировала им дверь, но и после того не решалась заснуть и всю ночь была настороже».

Пытаясь отвлечься от тошнотворного чувства голода, Айседора читала все, что только попадалось ей на глаза, и постоянно писала Ивану Мироскому, о котором думала, не переставая, представляя его героем то одного, то другого романа. Два месяца длилось турне, после чего Айседора, наконец, вернулась в Нью-Йорк, кинувшись в объятия давно ожидающей ее матери.

Поначалу все казалось более или менее просто – она вызовет Ивана или сама вернется к нему в Чикаго. Теперь же – повзрослев и хлебнув лиха, Айседора понимала, что никакого Чикаго в ее жизни уже не будет. Да и то верно, возвращаться для того, чтобы питаться дармовыми бутербродами и пивом в «Богемии»? или «задавать перца» в дешевых забегах?! Как она ни экономила во время турне, а денег все равно не скопила. В довершение всего в Нью-Йорк приехал Раймонд, так что одним ртом сделалось больше. Оставалось снова идти на поклон к Дейли, в надежде, что он займет ее еще в каком-нибудь спектакле.

Оказалось, что второй состав труппы во время отсутствия Дункан поставил «Сон в летнюю ночь», в котором пока еще пустовало место танцовщицы на роль феи. Спектакль показывали несколько раз на родной сцене, после чего труппа отправлялась на очередные гастроли.

– Нужен очень легкий, воздушный танец в лесной сцене перед появлением Титании и Оберона. Прозрачная бело-золотая туника, легкие серебряные крылышки... Справитесь?

Айседора немедленно заверила Августина Дейли, что танец – ее стихия. И ее фея будет самой воздушной и нежной, и не надо никаких крыльев. своим искусством она сделает так, что зрителю будет казаться, будто фея летает.

– Нет. Фея должна быть с крыльями, и точка, – оборвал ее Дейли.

– Тогда можно я хотя бы не буду надевать это гадкое трико? – Айседора брезгливо протянула Дейли старое, заношенное кем-то трико цвета свежей семги.

– Разумеется, нет. В моем театре танцовщицы не будут выступать без трико и танцевальных туфель, – строго насупил брови Дейли. – Даже в кафе-шантанах плясуньи не обнажаются до такой степени. Голое тело – это так неприлично!

Больше всего Айседоре хотелось возразить, сказав, что благородная матовость человеческого тела прекрасна и выглядит более натурально, нежели блестящее розовое уродство, что из-за розовых «лапок» танцовщиц зачастую называют гусынями, что греки не стеснялись наготы, но она так больше ничего и не сказала в тот день, а только покорно кивнула, скромно потупив глазки. Видя, что девушка выкинула из головы идиотские идеи относительно возможности появиться на сцене одетой неприличным образом, Дейли сообщил, что после того, как она отработала в первом спектакле, ее актерская ставка возрастает сразу до 25 долларов в неделю. И осчастливленная Айседора побежала репетировать танец под скерцо Мендельсона.

На премьере фея Айседоры порхала по сцене нежная и грациозная, девушка была счастлива тем, что танцует, а не играет в пантомиме. В конце танца публика разразилась аплодисментами. Танцовщица поклонилась и выбежала со сцены, ожидая поздравления за кулисами, но вместо этого нарвалась на взбешенного Дейли. Оказалось, что в театре есть сцены, в которых зритель запланированно аплодирует актерам, ее же танец не входил в число таковых, более того, аплодисменты в зале сорвали появление героев, оттянув внимание публики на танец, которому не было никакого продолжения. Айседора чуть не заплакала от такой неудачи. При иных обстоятельствах господин Дейли должен был уволить смутьянку, сочтя ее поступок злонамеренным, но на следующий день труппа уезжала на гастроли и заменить мисс Дункан оказалось нечем. Тем не менее все последующие спектакли танец Айседоры проходил на темной сцене. Зритель видел только белое порхающее по сцене существо без определенного пола и возраста. Но, собственно, так и было задумано с самого начала.

Внешне смирившись с происходящим, Айседора старалась честно выполнять свою работу, переезжая с труппой из города в город, мыкаясь по частным пансионатам, меблированным и немеблированным комнатам. Однажды судьба занесла труппу в Чикаго, где, узнав из афиш о предстоящих гастролях, ее уже поджидал Иван Мироский. Айседора чувствовала себя на гребне счастья. Все свободное время они гуляли по лесу, обедая в крошечных кафе и строя планы совместной жизни. Да, теперь и Мироский начинал понимать, что Чикаго – не место для творческого человека. Айседора должна была вернуться с труппой в Нью-Йорк, и не более чем через месяц, уладив свои дела, Иван собирался присоединиться к ней, он так и не обрел постоянной работы, и здесь его ничто не могло удержать. Понимая, что приготовления к свадьбе неминуемо лягут на ее семью, и одновременно желая поделиться радостью, Айседора отбила телеграмму, в которой сообщала о своих планах. Ответ, подписанный Раймондом, пришел неожиданно быстро. «Мироский женат. Супруга проживает в Лондоне. Верь мне. Подробно-сти при встрече».

Известие о том, что у Ивана есть супруга, было тяжелым ударом для Айседоры, но она не впала в депрессию, впредь стараясь избегать малейших упоминаний о своем бывшем женихе и мечтая о том времени, когда она сможет заниматься только своим искусством. Теперь у нее был кусок хлеба, крыша над головой, семья не голодала, хотя и не роскошествовала. Но все это было так далеко от того, о чем она мечтала, то, ради чего семья покинула подаренный отцом дом в Сан-Франциско, что заставляло ее жить, думая про каждый новый день, будто он приближает ее к заветной цели. А тут еще и Иван... пройдет немного времени, и Айседора Дункан будет бороться против института брака, ратуя за равные права мужчин и женщин, за свободную любовь. В то время она была вынуждена подчиниться матери, которая была расстроена всей этой историей с женихом не менее ее самой.

Новые попытки переговоров с Дейли и заинтересовать его своим искусством не привели ровным счетом ни к чему, великий человек держался раз выбранного направления, от которого не собирался отклоняться.

Тем не менее он предложил Айседоре небольшую роль в спектакле «Гейша», на этот раз танцовщица Дункан должна была петь в квартете! К тому времени Айседора уже со многим смирилась и научилась относиться к окружающему ее безумию с понятной снисходительностью, но петь?! Для девушки, которая даже своим куклам в детстве никогда не пела?... петь, но даже испытанный учитель музыки и пения Дора не сумела научить дочь вокалу... Напроситься в ученики к более опытному мастеру? Но где гарантия, что вообще что-то получится? Да и если все же начнет получаться, то ясное дело, через месяцы, годы, репетиция же назначена буквально на завтра! А значит, она либо согласится и подведет коллег, либо откажется и будет выброшена на улицу, и что тогда делать с висящей на ее шее семьей?

Дункан согласилась и на это, когда же партнерши стали жаловаться, что она отчаянно фальшивит, во время репетиций Айседора начала просто открывать рот, и дело пошло. Но

теперь уже она не могла не взбунтоваться. Пантомима, танец почти в полной темноте. песня без голоса. что дальше?

Есть ли хоть какое-то оправдание нахождения бесспорно талантливой и весьма амбициозной Айседоры Дункан в театре, где ей ни за что не занять положение, о котором она мечтает? Неужели она всю жизнь будет заниматься только попытками хоть как-то выжить? И заодно любыми жертвами, месяц за месяцем вытягивать свою семью из той финансовой ямы, по краю которой она ходит? Нет уж, хорошенького понемножку, решила Айседора, и, тряхнув рыжей шевелюрой, подала заявление об уходе.

На вольных хлебах

В театре господина Дейли Айседора пробыла целый год. За это время в семействе Дункан произошли приятные подвижки: Елизавета открыла школу танцев, а Августин вступил в театральную труппу – оба приносили домой деньги, и в финансовом смысле стало ощутимо легче. Приехавший позже других в Нью-Йорк Раймонд пытался продавать свои статьи в различные газеты и журналы, но пока что удача не желала замечать стараний молодого человека. Пока Айседора гастролировала с театром «Дейлиз», они наняли просторную художественную мастерскую без мебели, но с самой настоящей ванной! И приобрели по весьма щадящей цене 5 пружинных матрасов и столько же перин, которыми можно было укрываться. Идея с матра-сами принадлежит Айседоре, еще во время своих скитаний по Чикаго она поняла, что, в сущности, матрас ни чем не хуже кровати, и уж намного лучше, чем спать на голом полу, к тому же покупка матраса обходится дешевле покупки кровати с этим самым матрасом. В то время как кровати занимают много места, матрасы можно поднять и прижать к стенке, центр комнаты освободится, и там можно будет спокойно репетировать. К сожалению, мастерская представляла собой одно-единственное помещение, так что жили они там, точно цыганский табор.

Сестра и брат Айседоры Дункан: Элизабет и Августин

Едва более-менее устроились, как предприимчивый Раймонд нашел возможность немного заработать, днем сдавая свое жилище учителям пения, музыки, танцев и декламации с почасовой оплатой. Когда подходило время очередного урока, семейство покидало мастерскую, гуляя по городу в ожидании, когда можно будет вернуться домой. Для своих прогулок Айседора облюбовала центральный парк, где она бродила, часто в полном одиночестве, мечтая, читая книжки или придумывая новые танцы.

Уйдя из театра господина Дейли, девушка сумела устроиться в студию Карнеги Холл, платили здесь гроши, но она снова получила возможность показывать свои танцы публике, ночи напролет репетируя дома, так как днем мастерская принадлежала по праву аренды чужим людям, и выступая вечерами. Как и в прежние времена, Айседоре аккомпанировала ее мать. Последнее время отчаянная Дора Дункан сильно сдала, кочевая, полуголодная жизнь и постоянные тревобления рано состарили эту отважную женщину, тем не менее она продолжала героически нести свой крест, всегда и во всем следуя за гениальной дочерью.

Впрочем, в Нью-Йорке действительно открывалось больше возможностей отыскать людей, которые могли бы оценить по достоинству искусство Айседоры. Еще работая в театре, мисс Дункан сумела завести знакомства, и теперь ее нет-нет, да и приглашали в частные дома с выступлениями. Достаточно интересной получилась программа, которую делали вместе: Августин, Елизавета, Дора и, естественно, Айседора. Я уже писала, что Айседора старалась проводить свободное время за книгой. Как-то раз ей в руки попался сборник стихов Омара Хайяма в переводе Фицджеральда. Она танцевала у себя в мастерской под импровизации Доры, а потом, когда та устала и захотела прилечь, Айседора пыталась произносить текст, при этом делая танцевальные движения. Ничего не получалось. Танец – ревнивая штука, когда ты отдаешься движению, невозможно двигаться, не включая в процесс голову. Но если в танец включена вся танцовщица, то есть совсем вся, без остатка?.. никаких мыслей, никаких стихов... в какой-то момент Августин сжалился над сестренкой и, подняв с пола брошенную ею книгу, начал читать рубаи. Голос брата, декламирующего стихи, подействовал на Айседору, как музыка. И она заскользила по полутемной комнате, купаясь в лунном свете. Когда брат выдохся, ему на смену пришла Лиза. Все это время Айседора ощущала себя натянутой струной, на которой два голоса, когда поочередно, а когда и вместе играли, точно на чувствительном музыкальном инструменте. Она вся обратилась в чувство, пытаясь сохранить в телесной памяти то незабываемое ощущение проходящих сквозь нее стихов. А потом вдруг откуда-то появился легкий теплый ветер, туника Айседоры наполнилась им, превратившись в чувствительный парус. И вот она уже несется быстрее, быстрее, медленнее, угасая, умирая, чтобы воскреснуть со следующей строкой. В стихах тоже есть музыка.

Вот такой спектакль приготовили господа Дункан взыскательной салонной публике Нью-Йорка. После представления молодая дама с левреткой на руках протянула Доре визитную карточку с загнутым уголком, приглашая в следующую субботу на свою виллу. На самом деле Айседоре и ее компании следовало подумать об опытном импресарио, который занимался бы только ими, но почему-то никому не приходило это в голову. Они радовались любому приглашению, а когда приглашений не поступало, играли и танцевали для друзей.

На визитке был записан адрес виллы в Ньюпорте, куда Айседора должна была прибыть, дабы станцевать перед госпожой Астор⁸ и ее гостями на лужайке перед домом. Фамилия Астор ничего не сказала мало интересующейся светской жизнью Айседоре, но страшно взволновала ее брата Раймонда. Так как мало кто в Америке тех лет не слышал о госпоже Астор, в доме которой собирался весь высший свет. Журналисты ловили каждое ее слово, одно колкое замечание всесильной Астор относительно небрежности в туалете знаменитой актрисы или светской дамы немедленно делало последнюю в глазах общественности вульгарной, жадной, а то

и вовсе голой. Любая произнесенная великой Астор фраза немедленно возводилась в рамки закона.

Люди теряли в присутствии этой дамы дар речи, а то и вовсе оказывались на грани обморока, но к юной Дункан Астор отнеслась с добротой. Когда в назначенный час Айседора, Дора и Елизавета, в этот день они выступали чисто женским коллективом, подъехали к вилле госпожи Астор, та, не доверяя слугам, сама снизошла до встречи артистов, предложив им с дороги по чашечке кофе. После представления, устроенного, как и предсказывал Раймонд, для высшего общества, приглашенный по такому случаю фотограф сделал снимок, на котором госпожа Астор сидела в кресле рядом с Гарри Лэером и окруженная Вандербильтами, Бельмонтами, Фишами и еще многими людьми, имена которых Айседора не запомнила. Этот снимок позже Астор выслала Дункан с пожеланиями ей всяческой удачи. А удача пришла вместе с благословением несравненной Астор. Я ведь уже упоминала, что любое слово, произнесенное этой непостижимой женщиной, немедленно принималось на веру. Поэтому ничего удивительного, что после представления на вилле Астор танцовщицу пригласили еще в несколько домов...

Как-то раз Айседоре Дункан пришла идея сделать танец без музыки и даже без стихов. Только танцовщица и доступные ей изобразительные средства. Не пантомима с ее условным немым языком. Танец.

В тот день Айседора танцевала на небольшой сцене-ракушке в парке, небо было хмурое, прохладный ветерок нес обещание скорого дождя. Под этим серым низким небом девушка в белой тунике рассказывала о своей борьбе и любви. может быть, о несостоявшейся любви к уже полузабытому красавчику Верною, или Ивану Мироскому, который так хорошо понимал ее. Она говорила о своей любви к движению, обнимая руками пытающееся задавить ее тяжелым серым брюхом небо. то подпрыгивая и взлетая, то застывая в позе узнаваемых греческих статуй. в какой-то момент из зала выкрикнули: «Это девушка и смерть!»

– «Девушка и смерть» – неплохое название для танцевального спектакля, – мгновенно оценила находку Дора.

– Мой танец было бы правильнее назвать «Девушка и жизнь», – ответит ей через много лет Айседора.

На этих небольших гастролях по гостиним и усадьбам знати Айседора, ее сестра и мама сумели прилично заработать, но танцовщица была жестоко разочарована увиденным и услышанным в свой адрес. С одной стороны, все складывалось как нельзя лучше – девушку засыпали комплиментами, со всех сторон доносился восторженный шопот, «как она прелестна, очаровательна, восхитительна!», но... сколько Айседора не пыталась поговорить с этими людьми, изложить им свои взгляды на искусство и, в частности, культуру движения, объяснить истоки своего танца, то, что она хотела бы сказать своими спектаклями. – эти люди оставались непростительно, для своей образованности и знания жизни, глухи. И в Айседоре они видели в лучшем случае очарование юности, а в худшем – возможность поглазеть на полуголую хорошо сложенную девушку, которая танцевала так близко, что можно было насладиться зрелищем в полной степени. В то время женщины затягивали себя в тесные корсеты, делали сложные прически и носили невероятные шляпы, само появление одетой в тунику с голыми ногами девушки зачастую воспринималось как нечто вызывающе-неприличное. Люди могли гулять вместе с детьми среди обнаженных статуй, но вид обнаженного тела вызывал стойкую ассоциацию с проституцией.

Время от времени Айседора и ее мать получали недвусмысленные предложения, которые с отвращением отвергали. Один пожилой господин, представившийся знатоком искусства, много путешествовавшим по востоку, выслушав пламенные речи юной танцовщицы и, для начала назвав ее воплощением музы танца Терпсихоры, позже пытался узнать, действительно ли под туникой на теле Айседоры нет ни нитки? Верно ли то, что она пляшет с неприкрытым

естеством, как это делали в Древней Греции. от всех этих рассуждений Айседору тянуло засунуть два пальца в рот и. она чувствовала себя отравленной, измученной, оскверненной.

Айседора разрывалась от желания поделиться наболевшим, но если в кафе «Богемия» ее и были готовы слушать, но не понимали из-за отсутствия элементарного кругозора, в высшем свете к актерам и тем более плясуньям, в лучшем случае, относились как к слугам.

Америка была не готова принять и воспринять танец босоногой Афродиты, пройдет время, и ее будут принимать в лучших домах Лондона и Парижа, но. Айседора была просто обязана воспитать своего зрителя!

Многим позже в Париже, где мисс Дункан быстро вошла в моду и принималась не только аристократами, но и людьми искусства, она будет танцевать в особняке графини Элизабет Греффюль (полное имя Мари Жозефина Анатоль Луиза Элизабет де Караман-Шиме, графиня Греффюль), дом № 8—10 по улице д'Асторг. Во всеуслышание ее сиятельство назовет Айседору возрождением греческого искусства, и на следующий день после выступления, окрыленная лестным отзывом и замечательным приемом девушка отправится получать свой гонорар в лакейскую.

Для гордой, амбициозной Дункан подобная перемена более чем обидна, ведь буквально вчера ее окружала блистательная публика, за чашечкой кофе в гостиной обсуждали «Афродиту» Пьера Луиса... Все было так замечательно и возвышенно, если не учитывать самого факта, что небольшую сцену, отгороженную от основной гостиной статуями амуров, почти полностью занял утыканный алыми розами, точно жертвенник, трельяж. Возле этой горы цветов было ни подпрыгнуть, ни сделать мах ногой, там вообще негде было танцевать. Весь танец Айседора страдала, вынужденная ютиться на узком пяточке и не имея возможности продвигнуться хотя бы в сторону зала, так как в этом случае она в буквальном смысле слова натыкалась на зрителей.

В общем, выступление было кошмаром, а оплата. на следующий день Греффюль прислала ей записку, в которой как раз и сообщала, что деньги за выступление госпожа Дункан может забрать в лакейской. Если бы у семьи Дункан были средства к существованию, она бы гордо отказалась от этого гонорара, но. много денег у них не было никогда, и, сдержав первый порыв гнева, вчерашняя богиня танца была вынуждена пешком тащиться через весь Париж, дабы получить свой заработок. Но все это случится еще не скоро.

Пройдет время, Айседоре станут платить высокие гонорары, у нее будут брать интервью, на нее станут смотреть как на редкое явление, и при этом ее мысли и идеи, ее благородные порывы и щедрые предложения принципиально станут игнорировать, не замечать, обходить стороной. Неоднократно ее будут пытаться купить, но понять. бедная, бедная Айседора – твое время еще не пришло. Что же до Элизабет Греффюль, она была известна как весьма щедрый меценат, помогающий многим деятелям искусства своего времени. Кроме того, ее сиятельство вращалась в высшем обществе, была близкой подругой великой княгини Марии Павловны, среди гостей в доме Греффюль неоднократно появлялся великий князь Павел Александрович, во многом она способствовала успеху дегилевского Русского балета в Париже. Красотой и остроумием графини восхищался Марсель Пруст, который еще только напишет в 1913 году роман «В поисках утраченного времени», для которого Элизабет послужит прообразом герцогини де Германт. В общем, с такими людьми было полезно общаться, их же нрав и привычки приходилось терпеть.

Жизнь на грани

Тем не менее Айседора завела полезные знакомства, обеспечивающие ей редкие приглашения в богатые дома. В то время Ньюпорт имел славу модного курорта, куда в сезон съезжались отдыхающие, и на берегу моря было не протолкнуться между дамами, одетыми во все черное, и господами, облаченными исключительно в полосатые костюмы. Но если мужские пляжные одежды не отличались разнообразием, то женские «купальники» радовали взгляд безумным разнообразием фасонов, впрочем, юбки ниже колен, корсеты, чулки и купальные туфли всех оттенков черного. Выходя из воды, купальщики отдыхали на солнышке, потягивая прохладительные напитки и суша на себе вымокшие в море купальные костюмы, после чего переодевались в специальных помещениях, дабы из черного и полосатого перебраться в светлое и легкое, головы дам украшали изящные шляпки всевозможных цветов и фасонов, над шляпками вздымались легкие, точно облачка, кружевные зонтики.

Во время сезона танцовщики, певцы, целый день просиживающие на набережных и в парках уличные художники и прочая артистическая братия получали возможность немного заработать, чем воспользовалась и наша героиня. Одно плохо, если вначале Айседора полагала, что место, которое просто притягивает рафинированную публику, позволит ей отыскать единомышленников, то после нескольких неудачных попыток она поняла, что ищет не там. Кто же говорит о серьезных делах на отдыхе? Актеры, певцы, танцоры, съезжающиеся на сезон в Ньюпорт, были не более чем красивыми игрушками, никто не интересовался ими всерьез, да и они сами не считали возможным сидеть в кафе, рассуждая о высоком.

«Мы опять ошиблись, выбирая Нью-Йорк и Ньюпорт. Америка не готова принять мой танец, – расхаживая по комнате, Айседора старалась говорить медленно, подбирая правильные слова. – Что может дать переезд из города в город – здесь те же люди. И плевать, что в Америке собрана богатейшая палитра самых разных национальностей, плевать, что сюда приезжали и будут приезжать гении и виртуозы. Если на этой почве что-нибудь когда-нибудь и произрастет, это будет ой как не скоро. Во всяком случае, мы не можем ждать. Я не могу ждать». Айседора ставила вопрос и ждала, когда слушатели сами дадут ей ответ – рецепт, как, наконец, выбраться из преследовавшей их семью нищеты и начать заниматься настоящим делом, прославиться, заявить о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.